

An aerial photograph of Central Park in New York City during autumn. The image shows a wide, tree-lined path with many people walking. The trees are in various shades of green, yellow, and orange. In the background, the dense urban landscape of Manhattan is visible, with numerous skyscrapers and buildings. The overall scene is vibrant and captures the essence of a busy city park in the fall.

Александр Восьмой

**Кумиры
площадей**

Александр Восьмой Кумиры площадей

<https://litres.ru/74231944>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кумиры площадей: эхо миллионов голосов. Мегаплощади города — не просто пространства, а резонаторы, усиливающие слова до силы стихий. Главная героиня, уличный оратор с редким даром управлять «звуковой волной», становится пешкой в борьбе фракций, каждая из которых хочет диктовать, кому поклоняться. Масштабные массовые сцены, кульминационная битва на центральной площади и ощущение, что город сам дышит в такт словам, создают мощную атмосферную волну.

Александр Восьмой

Кумиры площадей

Глава 1. «Шёпот на краю площади»

Свинцовые тучи нависали над окраиной мегаполиса, будто сами шпили тянули небо вниз, стараясь удержать его на своих остриях. Город здесь был не таким, как в центре, где площади сияли хромом и стеклом, а толпы двигались по невидимым маршрутам, словно части единого механизма. Здесь, на границе света и тени, мегаполис казался живым существом, которое не столько дышало, сколько прислушивалось — к каждому шороху, к каждому слову, к каждому сбившемуся ритму.

Мия стояла на невысокой деревянной трибуне, сколоченной из старых ящиков и досок, обклеенных выцветшими плакатами. Перед ней собралась горстка людей: пара бездомных, укутанных в многослойные куртки, несколько подростков с насторожёнными взглядами, старуха с корзиной, в которой дремали два тощих кота. Они смотрели на неё не с ожиданием чуда, а с усталой надеждой на хоть какую-то искру смысла в этом бесконечном шуме города.

— Я не умею красиво говорить, — начала Мия, и её голос дрогнул, как струна, которую тронули слишком робко. — Но я хочу, чтобы вы слышали... просто слышали, что тишина — это тоже звук. И если мы все замолчим хотя бы на минуту,

город перестанет кричать.

Ветер подхватил её слова и понёс вдоль узких переулков, заставляя флаги на соседних зданиях слегка колыхаться, будто кивая в такт. Мия не сразу заметила это движение. Она смотрела на лица перед собой, пытаясь уловить хоть намёк на отклик. Подростки переглянулись, один из них фыркнул, но не зло, а скорее удивлённо. Старуха наклонила голову, словно прислушиваясь не к словам, а к тому, что прячется между ними.

И тогда Мия решилась. Она сделала шаг вперёд, прижала ладонь к груди, чувствуя, как сердце стучит в унисон с далёким гулом мегаполиса, и заговорила громче:

— Представьте, что каждое слово — это камень, брошенный в воду. Круги расходятся, касаются других камней, заставляют их двигаться. Мы не можем остановить город, но можем изменить его течение. Мы можем сделать так, чтобы он говорил не только о силе, но и о нежности. Не только о власти, но и о свободе.

Её голос поднялся, и вместе с ним поднялась волна звука — невидимая, но ощутимая. Флаги затрепетали сильнее, будто их теребил невидимый гигант. Вывеска старой закусочной, висевшая косо на ржавых креплениях, закрипела, словно жалуясь на свою судьбу. Стекло в витрине напротив мелко задрожало, и на мгновение показалось, что город затаил дыхание, прислушиваясь.

Мия не знала, что в этот момент за ней наблюдают. В тени

арки, ведущей в подземный переход, стояли двое в одинаковых тёмно-серых плащах — агенты фракции «Серебряные трибуны». Они не записывали её слова, не снимали на камеры — они просто слушали, отмечая, как меняется акустика вокруг девушки, как звук начинает жить своей жизнью. Рядом, в полумраке другого переулка, притаился одинокий наблюдатель от фракции «Глушители» — он хмурился, видя, как эхо подхватывает каждое слово и уносит его дальше, чем должно быть.

А Мия продолжала. Она уже не видела никого перед собой — только город, который вдруг стал её собеседником.

— Мы привыкли думать, что сила — это грохот, это крики, это приказы. Но настоящая сила — в том, чтобы сказать одно слово так, чтобы его услышали все. Чтобы оно стало не приказом, а приглашением. Чтобы люди сами захотели идти за ним, потому что оно звучит как правда.

Она сделала паузу, и в этой паузе город будто выдохнул. Ветер стих на мгновение, гул транспорта приглушился, как будто мегаполис на секунду замер, чтобы не пропустить ни звука. И в этот миг Мия произнесла слово, которое не выбирала заранее, — оно вырвалось само, как крик души:

— Свобода!

Слово ударило по воздуху, как молния. Звуковая волна прокатилась по переулку, заставляя стёкла звенеть, а металлические конструкции стонать. Вывеска над закусочной не выдержала — крепления лопнули, и она рухнула вниз с оглу-

шительным грохотом, подняв облако пыли и ржавчины. Люди вокруг вскрикнули и отскочили, кто-то бросился бежать. Мия застыла, глядя на обломки, на пыль, медленно оседающую в воздухе, на испуганные лица, которые теперь смотрели на неё не с надеждой, а с опаской.

Город снова зашумел, но теперь в его гуле слышалось что-то новое — не просто эхо, а отголосок её слова, которое продолжало жить, даже когда она молчала.

Мия отступила назад, сжала кулаки, чувствуя, как дрожат пальцы. Она посмотрела на свои руки, будто они могли объяснить, что только что произошло. И тогда до неё дошло: её дар — это не просто умение говорить так, чтобы слушали. Это способность превращать слова в силу, в стихию, в оружие. И если она не научится управлять этим даром, город может не выдержать её голоса.

Из тени арки вышли агенты в серых плащах. Они не спешили, их шаги были спокойными, почти небрежными, но в их взглядах читалось нечто большее, чем интерес.

— Ты не знала, да? — спросил один из них, останавливаясь в нескольких шагах от Мии. Его голос звучал странно ровно, будто специально приглушённый, чтобы не тревожить акустику. — Слова здесь — это валюта. А ты только что выбросила на рынок золотую монету.

Мия покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. Город вокруг продолжал дышать, и теперь ей казалось, что каждый его вздох — это вопрос, на который она должна най-

ти ответ.

— Не бойся, — добавил агент, чуть смягчив тон. — Мы можем научить тебя управлять этим. Или... кто-то другой научит по-своему.

Он протянул ей карточку — тонкую, металлическую, с гравировкой в виде стилизованного мегашпила. На обратной стороне было выведено одно слово: «Трибуна».

Мия смотрела на карточку, чувствуя, как город снова набирает громкость, как мегаплощади где-то в центре начинают резонировать, готовясь принять новый голос. Она знала: если она возьмёт эту карточку, её жизнь изменится навсегда. Если откажется — город всё равно найдёт способ вовлечь её в свою игру.

Она медленно подняла глаза на шпиль, теряющийся в свинцовых тучах, и прошептала, почти беззвучно, так, чтобы услышала только она сама:

— Я должна научиться говорить так, чтобы не разрушать. Но город уже шептал в ответ, и в его шёпоте слышалось: «Слишком поздно».

Глава 2. «Тени под арками»

Подземные переходы мегаполиса жили своей, отдельной жизнью — не такой, как наверху, где ветер гнал по проспектам обрывки рекламных слоганов, а шпили вонзались в небо, будто пытались проткнуть само время. Здесь, под слоями бетона и стали, город говорил шёпотом. И этот шёпот был

древнее и громче любого крика на поверхности.

Мия спускалась по ржавой лестнице, держась за перила, которые вибрировали от каждого шага, словно сами хотели что-то сказать. За спиной остался серый свет окраины, впереди ждала густая полутьма, в которой тени казались не просто отсутствием света, а самостоятельными существами — они двигались, перешёптывались, сплетались в узоры, будто знали что-то, чего не знала она.

С каждым пролётом воздух становился плотнее, будто его можно было резать ножом. Эхо здесь не повторяло слова — оно их искажало. Когда Мия тихо пробормотала: «Куда я иду?», фраза вернулась к ней с насмешливым смешком, растянутым на несколько секунд, и прозвучала так, будто её произнёс кто-то другой — более холодный, более чужой.

Она остановилась на развилке трёх тоннелей. Над каждым висели потускневшие таблички, но буквы на них будто плясали, не давая прочесть названия. Из левого коридора тянуло сыростью и запахом старой бумаги; из правого доносился ритмичный гул, похожий на сердцебиение; центральный уходил в темноту, где что-то тихо звенело, как натянутая струна.

— Не стой на перекрёстке, — раздался голос из темноты. Он был хриплым, но удивительно чётким, будто каждое слово было отполировано годами молчания. — Здесь эхо любит играть с теми, кто не умеет держать язык за зубами.

Из тени выступил мужчина. Он был невысоким, но держался так, будто занимал больше места, чем позволяли уз-

кие стены. На нём был старый плащ с обтрёпанными краями, а на шее висел странный кулон — стеклянный цилиндр, внутри которого медленно кружились серебристые частицы.

— Кто ты? — спросила Мия, невольно понизив голос, словно боялась разбудить что-то спящее в этих стенах.

— Когда-то меня называли Глашатаем Седьмого Кольца, — мужчина слегка склонил голову, будто отдавая дань старому титулу. — Теперь я просто хранитель переходов. И, кажется, твой единственный шанс не стать игрушкой в чужих руках.

Он шагнул ближе, и в этот момент эхо подхватило его слова, растянув их в длинную, вибрирующую нить, которая уползла в оба боковых тоннеля. Мия вздрогнула: ей показалось, что из темноты на неё смотрят сотни невидимых глаз.

— Ты чувствуешь это, да? — продолжил мужчина, не дожидаясь ответа. — Под землёй город не повторяет слова, он их переваривает. Прошлые речи, старые клятвы, забытые обещания — всё оседает здесь, как пыль, и смешивается. Поэтому любое слово, сказанное внизу, может прозвучать не так, как ты задумала.

Мия сжала кулаки, вспоминая, как на площади её слово обрушило вывеску.

— Я не хотела этого, — прошептала она. — Я просто хотела, чтобы меня слышали.

Бывший глашатай усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки — скорее, горькое понимание.

— В этом городе быть услышанным — уже преступление. Особенно если твой голос может менять реальность.

Он провёл рукой по стене, и бетон отозвался низким гулом, будто вздохнул.

— Смотри, — сказал он, указывая на едва заметные линии, бегущие по своду тоннеля. — Это не просто трещины. Это акустические жилы. Они тянутся от мегаплощадей к шпилям, собирая звук, как корни собирают воду. Площади — резонаторы: они усиливают эмоции, превращая их в волны. Шпили — усилители: они отправляют эти волны дальше, превращая слова в приказы, а обещания — в законы.

Мия провела пальцами по одной из линий. Она была холодной, но под кожей чувствовалась лёгкая вибрация, будто внутри стены билось сердце.

— Как это работает? — спросила она, стараясь говорить тихо, чтобы не потревожить эхо.

— Звук — это вибрация. А вибрация — это сила. Когда ты говоришь, ты создаёшь волну. Если эта волна попадает в резонанс с акустической жилой, она усиливается в тысячи раз. Достаточно одной неверной интонации, чтобы разбить стекло. Достаточно одного лишнего слова, чтобы изменить направление ветра.

Он помолчал, прислушиваясь к чему-то, что слышала только тишина.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — продолжил он. — Ты хочешь научиться контролировать свой дар. Но сначала ты

должна научиться молчать. Потому что в этом лабиринте молчание — единственный способ не выдать себя.

Мия посмотрела на него, пытаясь прочесть в его лице хоть намёк на ложь, но видела только усталость и решимость человека, который слишком много раз проигрывал, чтобы верить в лёгкие победы.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила она.

— Потому что я когда-то был таким же, как ты, — ответил он, отводя взгляд. — Верил, что слово может спасти мир. А потом город забрал мой голос. Не физически — он просто сделал так, что меня перестали слышать. Мои слова растворялись в шуме, искажались эхом, превращались в пустые звуки. В конце концов я понял: чтобы быть услышанным, нужно не кричать, а знать, где и когда говорить.

Он протянул руку и коснулся кулона на своей шее.

— Это резонатор-глушитель. Он не даёт эху исказить мои слова. Но он не научит тебя силе. Силу ты должна найти сама.

Мия глубоко вздохнула, чувствуя, как воздух внизу становится тяжелее, будто сам город давит на неё, проверяя на прочность.

— Покажи мне, как управлять этим, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, но не слишком громко.

Бывший глашатай кивнул и повёл её вглубь тоннеля, туда, где стены становились тоньше, а эхо — громче.

— Сначала ты научишься слышать, — сказал он. — А по-

том — говорить.

Они остановились перед круглой камерой, стены которой были покрыты странными узорами — спиралями, расходящимися от центра. Пол слегка вибрировал, будто под ним текла невидимая река звука.

— Это место называется «Тихая буря», — объяснил наставник. — Здесь акустика устроена так, что любой звук отражается и накладывается сам на себя. Если ты скажешь что-то с неправильной интонацией, волна ударит тебя же. Если скажешь верно — она пойдёт дальше, не причинив вреда.

Мия встала в центре круга, чувствуя, как вибрация поднимается от пола к коленям, к груди, к горлу. Она закрыла глаза, пытаясь услышать не эхо, а собственный голос внутри себя.

— Скажи что-нибудь простое, — тихо произнёс наставник. — Одно слово. Но вложи в него смысл, который не сможет исказить эхо.

Мия открыла глаза и посмотрела на узоры на стенах. Они казались живыми, пульсирующими в такт невидимому ритму.

— Свет, — прошептала она.

Эхо подхватило слово, растянуло его, закрутило в спираль, но вместо того чтобы ударить, оно мягко обтекло её, как тёплый ветер. Узоры на стенах засветились тусклым голубым светом, а вибрация под ногами стала тише, будто город на мгновение успокоился.

Наставник едва заметно улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Ты нашла первый резонанс. Теперь попробуй снова, но чуть громче. И помни: сила не в громкости, а в чистоте звука.

Мия сделала ещё один глубокий вдох, чувствуя, как город вокруг неё прислушивается, как мегаплощади наверху начинают тихо гудеть, готовясь принять новую волну. Она снова произнесла слово, на этот раз чуть увереннее:

— Свет.

Волна поднялась выше, отразилась от сводов, прошла сквозь стены и унеслась дальше, в лабиринт тоннелей. На мгновение Мия почувствовала, будто слышит, как это слово шепчут в других частях города, как оно становится частью общего голоса мегаполиса.

— Теперь ты понимаешь, — сказал наставник, когда эхо затихло. — Твой голос — это не просто звук. Это ключ. И те, кто управляет площадями и шпилями, сделают всё, чтобы заполучить этот ключ.

Мия посмотрела на него, чувствуя, как внутри разгорается не страх, а решимость.

— Тогда я должна научиться владеть этим ключом, — сказала она. — Прежде чем кто-то другой сделает это за меня.

Город снова вздохнул, и в этом вздохе слышалось одобрение — или предупреждение. Мия не знала, что именно. Но она знала одно: с этого момента её слова будут иметь вес. И

она должна быть готова к тому, какой ценой придётся за это платить.

Глава 3. «Кумир на час»

Площадь «Серебряный перекрёсток» не была центральной — но и не считалась окраиной. Она висела где-то посередине, как капля ртути, балансирующая между величием и забвением: невысокие шпили по краям, строгие линии мостовой, аккуратные ограждения, будто специально поставленные, чтобы сдерживать не только толпу, но и звук. Сегодня площадь выглядела иначе: повсюду сверкали серебристые флаги фракции «Серебряные трибуны», динамики на столбах были развёрнуты под особым углом — так, чтобы ни один голос не ушёл в пустоту.

Мия стояла за кулисой из натянутой ткани, пахнущей пылью и лаком. Перед ней агенты в серых плащах тихо переговаривались, сверяя какие-то схемы. Один из них, тот самый, что дал ей карточку с надписью «Трибуна», подошёл ближе и спокойно сказал:

— Тебе нужно произнести всего три фразы. Не пытайся быть поэтом. Просто скажи так, чтобы они почувствовали: это их голос, только громче.

Мия сжала пальцы, чувствуя, как под кожей будто гудят невидимые струны. Она помнила урок в подземной камере: сила — не в крике, а в чистоте. Но здесь, наверху, город был другим: он не слушал, он требовал.

— Я не хочу быть оружием, — прошептала она, но даже это слово, казалось, тут же подхватили динамики и унесли куда-то за пределы площади.

Агент чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, как они звучат в пространстве.

— Ты уже не просто голос. Ты — усилитель. А мы — те, кто знает, как направить волну. Доверься нам.

Он не ждал ответа. Просто кивнул кому-то в тени, и ткань перед Мией медленно раздвинулась, открывая путь к трибуне.

Трибуна была высокой — не столько для того, чтобы видеть толпу, сколько для того, чтобы быть видимой всеми шпилями. С неё открывался вид на сотни лиц: усталых, насторожённых, жаждущих хоть какой-то опоры. Люди стояли плотно, но не как единая масса — пока ещё нет. Между ними были щели, сомнения, тихие споры.

Мия поднялась по ступеням. Металл под ногами отозвался гулким эхом, будто сам город спрашивал: «Ты уверена?»

Она остановилась у микрофона, но не стала его касаться. Наставник из подземелья учил её: настоящие слова не нуждаются в посредниках.

— Меня зовут Мия, — сказала она, и голос её прозвучал негромко, но ровно. — Я не пришла, чтобы обещать вам перемены. Я пришла, чтобы спросить: чего вы хотите на самом деле?

Тишина, которая последовала за этими словами, была

странной. Она не была пустой — она была наполненной, как воздух перед грозой. И в этой тишине Мия вдруг услышала то, чего раньше не замечала: шёпот города, его тихий гул, который складывался из тысяч отдельных звуков — дыхания, шагов, биения сердец.

И тогда она заговорила снова, уже увереннее:

— Мы привыкли думать, что сила — это приказ. Но сила — это когда тебя слышат. Когда твоё слово становится общим. Когда оно не ломает, а соединяет.

Её голос поднялся, и вместе с ним поднялась волна. Сначала она была едва заметной: флаги слегка заколебались, стекло в ближайших витринах тихо звякнуло. Но затем волна пошла дальше, отразилась от шпилей, вернулась, усилилась — и вдруг площадь стала резонатором, который не просто повторял, а умножал каждое слово.

Люди начали двигаться. Сначала по одному: кто-то шагнул вперёд, кто-то повернул голову, будто услышав что-то важное. Затем движение стало общим, как рябь на воде. Ограждения, которые казались надёжными, затрещали: металл стонал под напором невидимой силы, болты выскакивали, секции падали с глухим грохотом, но никто не кричал от страха — все смотрели на Мию, будто она была не девушкой на трибуне, а сердцем этого города.

— Мы можем быть сильнее, — продолжала Мия, и теперь её слова уже не принадлежали только ей. Они становились частью общего голоса, эхом миллионов голосов, которые жи-

ли в городе, в его стенах, в его улицах. — Мы можем быть громче, чем любой приказ. Мы можем быть свободнее, чем любые стены.

Толпа начала двигаться как единый организм — не по чьей-то команде, а по ритму её слов. Люди поднимали руки, кивали, повторяли последние фразы, и эти повторения, накладываясь друг на друга, создавали новую волну, ещё более мощную. Город «дышал» в такт её словам: ветер менял направление, будто следуя за интонацией, свет фонарей мерцал, подстраиваясь под ритм, даже тени на мостовой казались живыми, танцующими в такт.

Мия почувствовала, как теряет контроль. Её голос больше не был её голосом — он стал частью чего-то огромного, неуправляемого. Она пыталась замедлиться, сделать паузу, но тишина здесь была невозможна: даже молчание звучало как приказ.

— Подождите! — выкрикнула она, пытаясь остановить нарастающую волну. Но слово «подождите» прозвучало не как просьба, а как команда, и толпа, будто услышав новый ритм, ускорила. Люди шли вперёд, не видя преград, не чувствуя усталости — только голос, только ритм, только общее дыхание города.

Агенты в серых плащах наблюдали за этим с холодным удовлетворением. Один из них что-то быстро записывал, другой кивал, будто подтверждая: «Да, именно так». Они не пытались остановить хаос — они хотели, чтобы он случился.

Им нужен был не порядок, а управляемый шторм.

Мия смотрела на это и понимала: она стала инструментом. Её слова использовали, чтобы заставить город дышать в нужном ритме, чтобы направить его силу туда, куда выгодно фракции. И самое страшное было в том, что она сама дала им этот ключ.

Она резко шагнула назад, прочь от трибуны, но толпа даже не заметила её ухода. Люди продолжали двигаться, повторять фразы, создавать волны, которые уходили дальше, за пределы площади, в лабиринт улиц, к другим шпилям, к другим площадям, превращая один момент в цепную реакцию.

Мия побежала. Она мчалась по боковым переулкам, где эхо было тише, где стены не усиливали, а приглушали звук. Она прижимала ладони к ушам, пытаясь заглушить гул города, который теперь казался ей не дыханием, а криком.

Когда она наконец остановилась, прижавшись спиной к холодной стене, её трясло. Не от страха, а от осознания: она научилась управлять волной, но не научилась её останавливать.

Из темноты переулка вышел её наставник — бывший глашатай. Он не спешил, его шаги были спокойными, будто он знал, что рано или поздно она прибежит сюда.

— Ты поняла, да? — тихо спросил он. — Слова здесь — это не просто слова. Это рычаги. И те, кто управляет площадями, знают, как нажимать на них.

Мия покачала головой, не в силах говорить.

— Они использовали меня, — прошептала она. — Они знали, что я не смогу остановиться.

Наставник кивнул, не осуждая, не утешая — просто признавая факт.

— Теперь ты знаешь цену своего голоса. И знаешь, что никто не будет использовать его вместо тебя, если ты сама не позволишь.

Город за их спинами продолжал гудеть. Где-то далеко, на других площадях, люди всё ещё повторяли фразы, которые она произнесла, и эхо несло их дальше, превращая кумира на час в легенду, которая жила своей жизнью.

Мия посмотрела на наставника, и в её взгляде была не усталость, а решимость.

— Научи меня не просто говорить, — сказала она. — Научи меня управлять этим. Чтобы я могла останавливать волны, а не только поднимать их.

Бывший глашатай чуть улыбнулся — впервые без горечи.

— Тогда нам пора спуститься глубже. Туда, где город шепчет, а не кричит.

Они двинулись в сторону тёмного проёма, ведущего в подземные переходы. А над ними, на шпилях, огни медленно меняли цвет — будто город отмечал: сегодня родилась новая сила. И теперь он ждал, что она сделает дальше.

Глава 4. «Перекрёстки тишины»

Мия бежала, пока ноги не стали ватными, а дыхание не превратилось в рваные хрипы. Она петляла по узким переулкам, где даже тени казались громче обычного, — ей нужно было место, где звук не будет предавать её, где эхо не станет продолжением чужой воли. Бывший глашатай однажды обронил вскользь: «Есть места, где город учится молчать». И теперь она отчаянно искала этот тихий сектор, будто он был единственным убежищем в мире, который слишком громко говорил.

Наконец она наткнулась на неприметную арку, за которой не слышалось привычного гула мегаполиса. Вместо него была странная, почти пугающая тишина — не пустая, а плотная, как вата, обволакивающая всё вокруг. Даже шаги Мии звучали здесь не как удары, а как мягкие вздохи. На стене висела табличка с полустёртыми буквами: «Зона акустической нейтрализации. Доступ ограничен».

Она шагнула внутрь — и мир будто выключили. Гул улиц, вой сирен, далёкий рокот шпилей — всё исчезло. Мия остановилась, прислушиваясь к собственному сердцу, и впервые за день поняла, что может услышать его стук. Это было странно и немного страшно: тишина казалась не подарком, а испытанием.

В глубине сектора, у стены, стоял человек. Он не прятался, но и не выставлялся напоказ — просто стоял, будто был частью этого беззвучного пространства. На нём был плащ глубокого синего цвета, резко контрастировавший с серыми

тонами города; на груди блестел значок — перечёркнутый резонатор.

— Ты бежишь от своего голоса, — спокойно произнёс он, не повышая тона. Здесь не было нужды кричать: даже шёпот звучал ясно, но не разносился дальше пары метров. — Или от тех, кто хочет его использовать?

Мия вздрогнула. Она не ожидала встретить кого-то в этом мёртвом уголке города.

— Кто ты такой? — спросила она, невольно понизив голос, словно сама тишина требовала уважения.

— Меня зовут Кай. Я из фракции «Глушители». Мы считаем, что свобода начинается с права не быть услышанным против своей воли.

Мия нахмурилась.

— Вы хотите разрушить систему резонаторов? Но ведь тогда город потеряет голос.

Кай чуть наклонил голову, будто взвешивая её слова.

— Город не должен быть инструментом. Площади не должны усиливать чьи-то приказы до силы стихий. Шпили не должны диктовать, кому поклоняться. Мы хотим вернуть людям право выбирать, что слышать и что говорить.

Мия покачала головой.

— Но слово — это сила. Разве нельзя использовать её во благо? Разве нельзя говорить так, чтобы объединять, а не подчинять?

— Можно, — согласился Кай. — Но в этом городе сло-

во всегда становится оружием. Даже самое доброе намерение, усиленное резонаторами, превращается в приказ. Ты сама это видела: твои слова подняли толпу, сломали ограждения, заставили людей двигаться как единый организм. Это не свобода — это синхронизация.

Мия вспомнила площадь, движение толпы, нарастающую волну, которую она не смогла остановить. Её передернуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.